

18+

Анна Матвеева

СТАРОЖИЛЫ

Люди города Е.

Анна Матвеева

Старожилы. Люди города Е.

«Издательские решения»

Матвеева А.

Старожилы. Люди города Е. / А. Матвеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510921-7

Новая книга известного прозаика Анны Матвеевой — это девять документально-художественных портретов жителей города Екатеринбурга и его окрестностей. Их объединяет не только почтенный возраст, но и чувство собственного достоинства, стойкость в преодолении трудностей, профессиональная состоятельность, любовь к жизни и людям. Их заслуга — достойно прожитые годы, честное служение профессии, абсолютная ответственность перед людьми и собственной совестью, удивительная жизненная активность.

ISBN 978-5-00-510921-7

© Матвеева А.
© Издательские решения

Содержание

Дорогие мои старики	6
Ох, Катька!..	15
Дядя Саша из Букашкина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Старожилы Люди города Е.

Анна Матвеева

Корректор М. Г. Ракитина

Редактор Т. В. Матвеева

© Анна Матвеева, 2020

ISBN 978-5-0051-0921-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие мои старики Татьяна Мустаева

У книги, которую вы держите в руках, довольно необычная история.

Несколько лет назад в Москве, в Редакции Елены Шубиной, вышел сборник документально-художественных новелл «Горожане» о судьбах выдающихся екатеринбуржцев и прикнувших к ним «гостей города». Одни гостили здесь по собственному почину, как упомянутый в новелле «Весёлый бог работы» поэт Николай Заболоцкий, другие оказались в Екатеринбурге / Свердловске и снова Екатеринбурге против своей воли. Это, к примеру, историк Василий Татищев, вовсе не мечтавший связать свою жизнь с Уралом, или маршал Жуков, практически сосланный на Урал после Великой Отечественной. Были и местные горожане, которые сами стремились уехать отсюда при первой же возможности – как инженер Николай Ипатьев или композитор Владимир Мулявин. Но основные герои книги – это старожилы наших мест, жизнь прожившие на Урале: Павел Петрович Бажов, Виталий Волович, Ян Вутирас, Александр Матвеев и др.

Восемнадцать персонажей книги (а на самом деле больше, ведь вскользь в «Горожанах» упоминаются и основатель города Виллем де Геннин, и геолог Модест Клер, и поэт Борис Рыжий, и другие выдающиеся личности) выстроены в пары на манер то ли Плутарха, то ли, ближе, Петра Вайля так, что история одного дополняет историю другого. Сейчас, когда книга уже оправдала вложенные в неё силы, выдержала переиздание и получила много лестных откликов, можно сознаться, как сильно я волновалась: будут ли наши «горноуральские» истории интересны жителям всей России.

К счастью, оказалось, что интересны: «Горожан» читают от Владивостока до Калининграда, по всей карте нашей родины. Хотя, конечно, самые благодарные читатели этой книги живут именно на Урале – во время читательских встреч я вижу, как загораются у людей глаза, когда они листают «Горожан».

«Не хотите ли написать продолжение? – спрашивает каждый второй. – У меня для вас уже списочек готов». А некоторые не спрашивают, а негодуют: почему не написано про Александра Пантыкина? Где Евгений Родыгин? Нет ни слова про Галину Умпелеву. И так далее, и так далее. Я каждый раз терпеливо объясняю, что, во-первых, право выбора принадлежит всё-таки автору, а во-вторых, книга, в отличие от Москвы, не резиновая – включить рассказы обо всех милых сердцу уральцах в единственный том попросту невозможно. Однако есть одно досадное упущение, которое мне давно хочется исправить. Только после выхода книги осознала, что в списке моих горожан лишь одно женское имя. Писательница Белла Дижур – и семнадцать мужчин, от Василия Татищева до Владимира Шахрина, и в эпизодах тоже одни только мужчины. Нехорошо это по отношению к женщинам, неправильно!

И вот пока я об этом думала (размышления шли неким периодически возникающим фоном), ко мне обратилась Татьяна Мустаева, которая тоже хотела увидеть продолжение «Горожан», причем её желание было вполне конкретным, со списочком. Идея мне сразу же пришлась по сердцу – написать о ныне живущих пожилых людях Екатеринбурга, судьба каждого из которых Татьяне доподлинно известна и объективно по-своему примечательна. Есть среди этих стариков люди известные, есть даже выдающиеся, другие же известны только в своём узком кругу. Роднит их не только почтенный возраст и достойная жизнь, но и то, что все они прожили на Урале много-много лет, потому книгу стоит назвать «Старожилы». А еще все они так или иначе связаны с Татьяной Мустаевой, именно она, молодая и красивая, – ключик ко всем историям этой книги про старожилы. Это *дорогие её старики*.

Таню я знаю довольно давно. У неё большая семья, муж и три дочери, а также масса самых разнообразных дел и увлечений, что естественно при таком количестве энергии, которого хватило бы на подсветку Лас-Вегаса! Ну или хотя бы Екатеринбурга.

Смотришь на таких, как Таня, и думаешь: промыслительно же называют порой родители своих детей! Имя *Татьяна*, скорее всего, греческого происхождения, от глагола *tatto*: «утверждать, устанавливать», то есть «устроительница», «учредительница». Мустаева вот именно что устроительница, без устали занимающаяся проблемами и сложностями других людей. Жизнь ее сложилась благополучно, могла бы ходить в своё удовольствие по салонам красоты и бутикам, дегустировать новые блюда в ресторациях, полеживать на диване со смартфоном, а Таня с утра до ночи планирует праздники для одних своих знакомых, соображает, как помочь другим и где собрать средства для третьих, попавших в трудную ситуацию. Истинная благотворительница, человек с большим сердцем, подвижница. Уральские старожилы, герои этой книги, сыграли немалую роль в её жизни, но и Таня нужна им не меньше. Судьба не сводит людей случайно – я в это, во всяком случае, верю, поэтому мне хочется рассказать о каждом персонально.

Кстати, среди Таниных старожилов женщин не меньше, чем мужчин, – так что я смогу реабилитироваться после «Горожан».

Но прежде всего расскажу о самой Татьяне.

Советская семья

Мустаева она по мужу, любимому и единственному своему Максиму. Девичья фамилия – Пичурина. Корни всех Таниных предков укреплялись вдали от Урала: в Харькове, в Крыму, на Кубани. В Свердловск родители Татьяны попали в военные годы, да так здесь и осели. Но сама она, конечно же, екатеринбурженка.

Родилась, как сама говорит, в классической советской семье, где мама —учительница, папа – инженер, детей двое, мальчик и девочка. Танин брат Олег старше её на десять лет. Жили Пичурины на ВИЗе, в большом многоквартирном доме на улице Metallургов. ВИЗ – это Верх-Исетский завод, металлургический, по нему и весь близлежащий район так называют. Вполне логично, что семья металлурга во втором поколении живет на улице с таким названием.

Прежде на том месте, где теперь высится 25-этажная обкомовская «свечка», стояли бараки, в одном из них до рождения Тани в маленькой квартирке жили её родители с сыном Олегом. Когда бараки решили снести ради нового здания для областного начальства, мама была беременна Таней, поэтому семье из почти четырех человек сразу же дали трёхкомнатную квартиру, по тем временам очень большую. Вот так наша Татьяна ещё до своего появления на свет устроила жизнь своей семьи, – не зря же она устроительница!

Детство вышло счастливое – ясельки, садик, школа в соседнем дворе. Была любимая собака, эрдельтерьер Джонни, спутник и участник всех уличных и домашних развлечений. Девочка росла любопытной, легко увлекающейся, чутко воспринимала красоту – и так много всего успела в детские годы! Бальные танцы, гитара, театральная студия... Всегда сама решала, куда ходить и если не нравилось, бросала без сожаления. Взрослая Татьяна даёт точно такую же возможность своим дочерям, считая, что выбор у детей должен быть всегда

Самостоятельной маленькая Таня была даже чересчур! Ещё до школы, буквально на следующий день после своего дня рождения (7-го марта ей исполнилось семь лет), Танечка преподнесла маме с папой хоро-ошенький сюрприз. Решила навестить дедушку, который жил на Вторчермете (в соседнем доме с Е. М. Вогулкиной, героиней очерка «Ох, Катька!»). Кто не в курсе, этот район, тоже с заводским названием, на другом конце города от ВИЗа. Адреса точного Таня не знала, только зрительно помнила, что рядом с дедушкиной пятиэтажной хрущёвкой стоит длинный девятиэтажный дом, в котором много магазинов. Разве этого мало?

Вышла из дома и, прихватив за компанию любимую подружку Гальку (так они называли друг друга – Танька и Галька), начала движение к цели. Девчонки, не стесняясь, обращались к людям за помощью, описывая свою конечную цель, и через несколько часов, сменив не один вид транспорта, позвонили в дверь дедушкиной квартиры, как говорится, усталые, но довольные. Очень довольные! Дедушка был, разумеется, в шоке, но надо было сначала накормить путешественниц, а потом уж везти их домой. Телефона у родителей не было, а мобильных в те времена не существовало, так что папы и мамы увидели своих неугомонных чад около девяти вечера. К этому времени были подняты на уши и соседи, и милиция, но ругать девчонок сил уже не было, да и не хотелось: рады были, что всё обошлось. Но гулять, одной или с Галькой, Татьяне запретили надолго...

А в тринадцать Татьянинных лет умер её папа. Как рано он ушёл... Но успел дать дочери много. Они были очень дружны, проводили вместе много времени. Вместе учили, например, «Онегина». Успели выучить только половину первой главы (кстати, дочку назвали именно в честь пушкинской Татьяны). Инженер-металлург Александр Пичурин на досуге писал юмористические рассказы и басни, печатался в журналах и газетах. Даже сочинял пьесы для театральной студии, где занималась дочь, мечтал увидеть её актрисой... Таня говорит, отец имел слишком много талантов для одного человека, а еще помогал очень многим людям, всегда искал справедливость. Сложно ему было, правдолюбцам во все времена сложно. Вот и сгорел, не дожив до новых времён, глобальных перемен и общей неустроенности.

До них оставалось ещё несколько лет, но они пролетели быстро. Еще в школе Таня старалась зарабатывать деньги. Спасибо школьному УПК (и кто теперь помнит, что это Учебно-производственный комбинат, – спецучреждение, где учащиеся овладевали рабочими профессиями?) – у неё была специальность «Машинопись и делопроизводство». Но это особых доходов не давало, нужно было искать другое. «Я рано стала самостоятельной, спасибо родителям, что доверяли, мне это впоследствии очень пригодилось, – рассказывает Таня. – В семнадцать лет уже зарабатывала деньги „купипродайством“. Между прочим, в начале девяностых это была большая смелость: найти то, что можно продать и выйти на рынок, встав в ряд с другими. Какие-то шампунчики, колготки... Я даже помню, как Миша Кучин (легендарный свердловский „авторитет“ 90-х. – А.М.) шёл по рынку – тишина стояла, всем страшно было...».

Только-только окончив школу, Татьяна умудрилась съездить с подругой в Нижневартовск – решили продавать бананы (поштучно!) и модные спортивные костюмы из цветастой плащёвки.

– В Нижневартовске всё намного дороже стоило. Но мы по наивности даже не понимали, в какое гиблое место попали! Приехали ночью на вокзал, спросили, где здесь ближайшая гостиница («Букинга» -то не было!) Администратор спрашивает: на вахту устроиться хотите, поварами? Ну, мы не стали всё объяснять, переночевали и пошли на следующий день на рынок с товаром нашим разношёрстным. А по дороге то и дело попадаются трёхлитровые банки с водой, а в банках живые гвоздики. Странные клумбы у них, думаем, видимо, почва из одного песка состоит, не растут цветы нормально... Уже потом только нам разъяснили, что на том месте, где банка с цветами стоит, недавно кого-то убили... Хорошо, что мы за один день всё распродали – и бегом на поезд, страшно как-то стало... Мне ведь 17 лет всего было тогда».

А первую проверку устойчивости к стрессу Таня прошла ещё в пятнадцать лет. Подружки поручили ей купить общий подарок на день рождения всё той же соседской Гальке. Скинулись несколько девчонок на набор теней для век тайваньского производства – самых модных в то время, с кислотно-яркими оттенками. Их на Центральном рынке цыганки продавали, вместе с патрончиками польской перламутровой помады. Все свердловские девочки о таких тенях мечтали. Сумма, которую Тане доверили, по тем временам была немалая – 15 рублей! А ей доверили!

У входа на рынок подозвала Татьяну цыганка с маленьким ребёнком на руках и попросила на еду «сколько не жалко, хоть монетку». Ну, а дальше – дело техники – выманила все подарочные деньги. Таня сперва опешила, но не на ту напали. Когда поняла, что произошло, тут уж сама взяла цыганку в оборот и добила-таки, чтобы та ей деньги вернула. Не зря девушка в театральной студии четыре года занималась! «Ну, хоть рубль-то себе оставлю! А то столько времени потеряла на тебя!» – взмолилась под конец цыганка.

Позднее, уже в студенчестве, случилась в Таниной жизни майонезная история. Как известно, Екатеринбург упомянут в Книге рекордов Гиннеса как город, где употребляется больше всего майонеза на душу населения. А Таня частенько приезжала в соседний город Пермь со своей школьной подругой Аннушкой, у которой там жили родственники. В Перми почти всё было дешевле, потому что город ближе к Москве, да и свое производство имеется. Таня закупала популярный дезодорант «Шарм» пермского происхождения и тому подобное, что в Свердловске пойдет подороже. Майонез в Перми любили, как и в Свердловске, но вдруг пермский завод закрыли на ремонт. В уральской столице соус стоит семь с полтиной, а в Перми цена вскочила до 25 рублей.

Арифметика несложная, и решение было принято молниеносно: пулей домой на поезде и через день обратно в Пермь. Там продавала по 15 рублей, и товар уходил влёт. За один рейс Таня привозила из Екатеринбурга две коробки, в каждой по 44 банки. Конечно же, в дороге что-то ломалось и проливалось, таскать тяжело было, но поездки по-любому получались прибыльными, тем более что плацкартный билет на поезд был льготным, студенческим, стоил, как сейчас помнится, 9 рублей. Так Таня и челночила, пока не началась очередная сессия, но упавшее знамя торговли подхватила из её рук мама подружки Гальки – упрямо возила майонез из Свердловска в Пермь, пока там снова не открыли собственный завод.

Первые Танины деньги, как всегда и бывает у девочек, уходили на то, чтобы красиво одеться. Тогда уже *выбрасывали импорт* на заводах, всё это потом продавали на рынках, в коммерческих магазинах – *комкáх*. Мама, конечно, как могла, старалась одеть Таню, но что она могла, советская учительница истории, пусть и была у неё самая высокая ставка? Бедная мама! В те годы ей доставалось от жизни разнообразно, например, несколько лет не было учебников, и она в шутку говорила: «Вот ведь как учителям математики повезло! Ничего не меняется. А история?.. Сегодня так, а завтра переписывают по-другому».

Таня маме говорила: «Смотри, кофту из ангоры продают всего за 250 рублей!» И наивная мама удивлялась: «Ну надо же, как недорого! Давай купим». А дочь, покупая, добавляла ещё 500 своих. Кстати, первую свою настоящую зарплату, полученную через пару лет, Таня потратила именно на кофту из ангоры (моднее тогда ничего не было) в подарок маме. Ярко-красная была кофта – мамин любимый цвет.

Татьяне тогда очень хотелось поступить в архитектурный на «дизайн интерьерера». Она и по сей день обожает всё подбирать, искать «такое же, но с перламутровыми пуговицами», – это точно про неё. Целый город перевернёт, но найдёт, чтобы всё идеально сочеталось.

Возможно, эти наклонности перешли к Тане по папиной линии: дед отца был градостроителем города Бобруйска. Всегда тянуло к прекрасному, очень хотела стать дизайнером, но кому они были тогда нужны... Поступила в Уральский Политехнический Институт, на металлургический факультет. Там в свое время учились папа, дядя Игорь, брат Олег... да и само здание УПИ было такое красивое, монументальное! Могла бы влиться в рабочую семейную династию, но всего через год ушла из вуза – поняла, что не её это дело. При этом знала, что высшее образование человеку обязательно нужно. Решила стать бухгалтером, специальность всегда востребованная, с хорошей зарплатой. Окончила институт, получила диплом, но по специальности почти не работала, совсем не её это, скучно.

Очень хотелось Тане самостоятельности, независимости. Полы в магазине одно время мыла вместе с подружкой. В нарядной одежде – никаких синих халатов, что вы! – девчонки

выходили в торговый зал с тряпками и вёдрами, но если вдруг на горизонте появлялся молодой парень, тут же бросали швабры и делали вид, что пришли за покупками!

Время было трудное, тяжёлое, для кого-то и беспросветное, но молодого человека всегда защищает его юность, любовь к миру, благодарность бытию. Таню постоянно влекло что-то новое – люди, профессии, впечатления. Всегда вокруг было много друзей, всегда она, легкая, веселая, энергичная, была в центре внимания. Замуж Татьяна вышла в 20 лет, через год появилась старшая дочь, назвали её в честь мамы – Светланой. Мама тоже ушла из жизни рано, через шесть лет. Тане было всего двадцать семь. Может, потому ее так и тянет всю жизнь к старшим, к старикам... На них Таня изливает свою нежность, ту заботу, которой окружила бы родителей, будь они живы. Связь с мамой у неё очень сильная, её смерть – это невосполнимая потеря, на осознание которой ушли годы и годы. Мама и сейчас как будто поддерживает свою неугодную дочь, даёт ей энергию и силу. «Я часто вспоминаю её советы, а мамино жизненное кредо „В любой ситуации ищи выход“ теперь стало и моим, – говорит Таня. – Жизнь не заканчивается со смертью».

Продолжение следует!

Бурную энергию не уняли даже материнство и новый статус замужней женщины, Татьяна постоянно искала точку приложения своих сил. Пробовала себя и там и сям. В 1995-м работала рекламным агентом издания «Жёлтые страницы», причём достаточно успешно: за две недели выполнила 2-х месячный план. Бралась за небольшие строительные объекты, выступая одновременно и прорабом, и дизайнером, и бухгалтером. Дизайн квартир, ремонт – всё это Тане так нравилось, что она окончила дизайнерские курсы и даже собралась поступать в Архитектурный, но тут родилась Маша. Пришлось оставить мечты о втором высшем образовании, благо, можно было работать и без диплома, осуществлять собственные задумки, тренироваться на друзьях и знакомых.

Серьёзных проектов, помимо того, что Таня – перманентный «прораб» многих строек, было у неё три, и каждый становился любимым, каждый отнимал много сил и времени. Первым стал горнолыжный комплекс «Гора Тёплая». Отдано ему десять лет, с 2000 по 2009 год. Покатавшись однажды на горе Флюс, Таня и Максим поняли, что горнолыжных комплексов на Урале практически нет и что нужно это исправить. Нашли компаньонов – замечательную семью Дёминых, с которыми дружны по сей день, нашли гору Тёплую, где стоял маленький бугельный подъёмник, смонтированный любителями экстрима и... бросились в новый бизнес – как в омут с головой! С крутой горы, сказать точнее.

Сделали трассу, подъёмники, построили кафе... *Тёплая гора* – историческое название местности, и оно реально отражало ту атмосферу, которая всегда ощущалась в отношении к посетителям. Со всей душой хозяева относились к своему детищу. Там удалось реализовать много интересных идей, они первыми в области стали проводить ночные катания. Трудностей тоже было немало, например, когда на термометре минус тридцать, катание с горы, дневное ли, ночное, никого не заинтересует... Всё-таки это было прекрасное время, считает Таня. На Тёплой горе она познакомилась со многими замечательными людьми, в их числе чемпионка СССР по горнолыжному спорту Е. М. Вогулкина. Именно там завязались и другие дружеские и профессиональные отношения, важные по сей день. А какие Масленицы для детей проходили у Тани на Тёплой, какие чучела она делала собственными руками! Бывало, по десять огромных «баб» стояло в ожидании спички, одна другой лучше: на каждый класс школы в праздник обязательно делалось своё чучело. И это было, наверное, предчувствие следующего жизненного цикла, нового проекта, которым стал... вечный праздник.

У Мустаевых к тому времени родилась третья дочь, Соня. Для каждой своей девочки Таня особенно тщательно готовила праздники в честь дня рождения, продумывая каждую

мелочь. Да и для многочисленных друзей всегда придумывала оригинальные поздравления. Получалось очень хорошо. «А почему бы не начать делать это для других?» – подумала Татьяна. Вот так появился семейный центр «Оранжевое настроение» (пламенный привет группе «ЧАЙФ»!) – место, где помогают сделать жизнь ярче и интереснее. Для этого есть много способов: пройти мастер-класс по живописи, побывать на встрече с интересными людьми, заказать необычный праздник своему ребёнку, а самой между делом посетить косметолога или обсудить проблему с психологом. «Мне ещё тогда, десять лет назад, – рассказывает Таня, – было очевидно, что людям не хватает живого общения. Что уж говорить о том, что происходит сейчас, когда мы все живём, уткнувшись в смартфоны!»

Вскоре у «Оранжевого настроения» появился свой собственный благотворительный подпроект «Неслучайные встречи», поддерживаемый многими Таниными друзьями. Вначале все собранные средства Татьяна напрямую переводила в детский онкоцентр, но потом поняла, что надо действовать слегка иначе. «Важно, куда именно ты направляешь свои средства и силы, свою энергию. Больным онкологией детям часто нужна не только финансовая, но и эмоциональная помощь. Все, кто со мной работал, откликались на предложение порадовать ребят из онкоцентра, провести праздник, мастер-класс, устроить концерт, в общем, дать детям радость здесь и сейчас! Я им за это очень благодарна».

Таня – не классическая бизнесвумен, ей сложно выставлять людям требования, повышать цены, вести себя жёстко... Ей интереснее придумать что-то новое, научить чему-то других и научиться самой. Она сама сочиняла сценарии для праздников – от детских дней рождений до выпускных и свадеб, если нужно, сама ходила в ростовых куклах или подменяла заболевшую Снегурочку. Десять лет жизни посвящено «Оранжевому настроению», и это тоже прекрасные годы, которые принесли новый опыт, общение с интереснейшими людьми и понимание, что время тратилось не зря. Немного трансформировавшись, центр работает и сейчас.

И вот, новое детище (у Тани всегда так: новый проект – как ребёнок, которого надо вырастить, выпестовать, и, конечно же, со всей душой, и, как правило, не за девять месяцев). Загородный клуб «Облака», открытый в одном из самых живописных уголков Сысертского района, – это «идеальное пространство для проведения праздников», по словам Татьяны. «Как организатор, я бывала на самых разных площадках, везде видела множество изъянов и мечтала создать что-то безупречное!» – говорит она. Таня заранее решила, что здесь будет всё, даже возможность, (не смейтесь, как в фильме «Горько!») для жениха подплыть на лодочке к невесте, – это так романтично! Тут можно воплотить практически любые идеи! Некоторые уже успели оценить особую атмосферу этого места: в августе 2019 года в «Облаках» сыграли первую свадьбу, и никто не подозревал о том, какие испытания выпали перед этим на Танину долю.

Начинать что-либо с нуля всегда сложно и ответственно, для этого надо иметь долю авантюризма в крови. «Но мы же из девяностых! Мы столько преодолели, потому что понимали: никто за нас этого не сделает. Хотя мне все вокруг говорили, что нереально успеть к первой намеченной свадьбе, уж больно много форс-мажоров свалилось на мою голову! – вспоминает Таня. – А я верила – успеем, не могу людей подвести, у них же свадьба!» Она всё преодолела, она ведь устроительница, и клуб открылся, и свадьба состоялась. Таня счастливо устроена: в стрессовых ситуациях она не паникует, а собирается с силами и вспоминает слова своей мамы: «В любой ситуации ищи выход! Ещё не зная как, делай». Половина дат на ближайшее лето в «Облаках» уже забронирована. А Таня продолжает идти дальше, с детским любопытством вглядываясь в мир, ищет новых знаний и впечатлений.

– Семья моя смеётся над тем, как легко я со всеми сближаюсь. С любым человеком нахожу общий язык и начинаю общаться. Но я где-то прочитала, что это свойство нормальной психики, когда человек легко налаживает общение. Есть даже такое специальное название –

слабые связи. Они ни к чему не обязывают, но бывает, что такие интересные люди встречаются, и это так обогащает! Можешь по чистой случайности узнать что-то очень важное

Таня не верит в то, что люди или информация приходят к нам случайно. Где-то она вычитала, что самая главная энергия жизни – это вдохновение, именно оно ведёт за собой человека. Главное – понять, что тебя вдохновляет на самом деле, и никогда не врать себе. Танина энергия заразительна, и, кажется, неисчерпаема. Я никогда не видела её в дурном настроении, она не жалуется и не драматизирует. Мне всегда хотелось узнать, откуда в ней эта энергия – тёплая, оранжевая, солнечная. Может быть, от мамы? Она была огонь, коктейль казацкой и еврейской крови. Всегда, как паровоз, тащила за собой не только близких, но и дальних, кто не имел запаса жизненных сил.

Таня тоже такая, лишь иногда, зная за собой неуёмное стремление всех спасти и вывезти, старается «заземляться». Недавно один знакомый сказал ей: «Таня, у тебя турбулентность! Завихрения энергии! Притормаживай иногда!». Она пытается себя утишать, слушает только спокойную музыку, не выносит, когда вокруг хаос. И тянется к красоте и новым знаниям, как повелось с детства. Несколько лет назад она начала рисовать, после – обучаться игре на фортепиано, с нуля изучала английский, с головой нырнула в плавание (в прямом и переносном смысле слова), получила диплом специалиста по нескольким оздоровительным методикам – что-то вдруг потянуло в медицину! «Говорят, если у тебя слишком много знаний, но ты их не используешь, они загнивают, – говорит Таня. – Надо не просто учиться, а находить своим знаниям применение». Она старается следовать этой мудрости...

Я спросила у Тани, как она считает: человек с возрастом становится лучше или хуже? Борис Гребенщиков на этот мой вопрос однажды ответил так: «Плохие люди становятся хуже, хорошие – лучше». А Таня удивила меня, ответив другой цитатой из БГ: «Плохих людей не бывает: есть хорошие и больные! Их нужно жалеть...». «Знаешь, мне эти слова очень часто помогают, – продолжает она. – Так бывает: когда из большого диалога услышишь одну фразу, и вдруг она тебя как-то вытаскивает, даже спасает...»

Что для неё самое главное сейчас? Вопрос не из простых. Таня задумывается на минуту, а потом широко улыбается:

– Я хочу научиться принимать жизнь и людей такими, какие они есть. И я работаю над этим. Как только чувствую в себе какой-то негатив, что-то меня раздражает – тут же говорю себе: стоп, эта ситуация для меня – урок, шанс чему-то научиться. Смирение, например, отлично воспитывается ожиданием в очереди – для такой непоседы, как я, это настоящее испытание. Но внутренняя работа над собой по-настоящему интересна, всё время открываешь что-то новое в себе. Да, на некоторые вопросы трудно или даже невозможно найти ответ – так и не надо. Просто иди за вдохновением, если откликается сердце, иди за ним. Не всё надо анализировать и по полочкам раскладывать. Женщина – это чувство. Я – так чувствую!

Татьяна Мустаева – человек-праздник. 2020 г.

Старшие Танины дочки уже совсем взрослые, только Соня ещё школьница. Они разные. Света и Соня ответственные, упорядоченные, надёжные. Маша – она учится на модельера одежды – очень эмоциональна, движима чувствами, как сама Таня. Девочкам многое передалось от матери, прежде всего, стремление помогать людям, даже спасать их. Таня говорит: «Если в радость вам, делайте! И не ждите благодарности».

Эта мысль у неё выстраданная:

– Раньше я не то чтобы ждала отдачи, но думала порой: «Какая я хорошая!» А потом осознала, что это не я хорошая, просто мне свыше даётся такая возможность. Вот этому и надо радоваться, быть благодарной! И на добрые слова надо быть щедрой. Если ты что-то хорошее подумал о человеке, но не сказал ему, – значит, пришла старость! Вот дети говорят, что думают, и молодые душой – тоже. Важно чтобы это было искренне.

Последнее, о чём я спросила у Тани: почему ей захотелось познакомить меня именно с этими людьми, нашими старожилами? Зачем ей понадобилась такая книга?

– Всё очень просто, я ими восхищаюсь, и они делают меня лучше. Дело не в том, что я им помогаю, слава Богу, что подарил мне возможность быть им полезной! Я думаю, если честно, что больше получаю от этого общения, чем мои старики. Выхожу от них в состоянии абсолютной благодати и думаю, как мне повезло. Этот человек мне рад, он подпускает к себе, а ведь у многих пожилых людей очень узкий круг общения по внутренним причинам, они не с каждым будут сближаться и контактировать. Я счастливица! И, знаешь, я ведь в старо-

сти тоже собираюсь быть интересным человеком! Многие пожилые люди только и делают, что жалуются, они сдаются... Сила, энергия наших героев (а им за 70, 80, за 90 лет!) меня вдохновляют, я стараюсь брать с них пример и хочу, чтобы они успели поделиться своей мудростью со всеми. Мне интересно разгадать, в чём их секрет любви к жизни? Есть ли то, о чём они сожалеют? Какой совет они дали бы молодым?

Что ж, об этих секретах и пойдёт речь в нашей книге, появившейся благодаря стараниям Татьяны Мустаевой – устроительницы.

Ох, Катька!.. Екатерина Вогулкина

Гора молчала. Люди застыли. Все ждали, когда с вершины спустится маленькая фигурка горнолыжницы. Некоторые, особо чувствительные, даже зажмурились, как в кино перед страшным моментом, но потом услышали вой восторга и аплодисменты. Спортсменка лихо остановилась и воткнула палки в снег – видали?..

Рыбалка в тазу – и шапка в награду

«Ох, Катька, и тяжело тебе будет в жизни!» – говорила мама, наблюдая ретивую дочь. На Урале таких детей зовут *уха с глазом*, а Вогулкины были именно что коренные уральцы, родом из Михайловского завода, что в Нижнесергинском районе. Позже Михайловский завод стал городом Михайловском. Даже фамилия у них местная: вогулы – это старое название народа манси. В Шалинском районе есть река Вогулка, приток Сылвы, есть и посёлок с таким названием, да не один.

В Свердловск Вогулкины перебрались где-то в 1923-м году, а Катюшка родилась спустя три года, в 1926-м. Городская получилась. «Нас было семь человек, большая семья, – вспоминает Екатерина Максимовна. – Мама была безграмотная, папа коновозчиком работал, пил хорошо. Жили они в одной маленькой комнатке в посёлке Шарташ, у озера. Родители спали на кровати, а дети на полу, тогда не принято было, чтобы всё лучшее – детям.

В посёлке Шарташ были дачи обкомовских работников, они приезжали сюда отдыхать семьями. Здесь однажды гостил Борис Пастернак, умудрившийся попасть во время прогулки в шторм на озере (тот, кто видел Шарташ, согласится с тем, что Пастернаку крупно повезло: штормы здесь бывают, мягко говоря, нечасто). Комнатка Вогулкиных, где они ютились вплоть до самой войны, тоже, кстати, называлась дачей. Смешно.

Когда пришла пора идти в школу, Катю записали почему-то не в местную, а в городскую – №36 во Втузгородке. Девочке надо было идти туда три километра от Шарташа. Она была маленькая ростиком, но при этом сильная, выносливая. Зимой заправляла юбку в штаны, вставала на самодельные лыжи – и бежала по снегу. Без лыжни, без всяких палок. Школьного портфеля у Катьки не было, мама сшила ей какой-то мешок – и вперёд!

– Я уже была тренированная, у нас в Шарташе все ребята были спортсмены, и я не отставала. На озере, как только замерзало, играли в русский хоккей без шайбы, делали шарик из тряпок. Или ледышку загоняли.

Для русского хоккея поселковые ребяташки сами делали себе клюшки – из дерева. Да что там клюшки, они и коньки сами варганили! Снимали с бочки обруч, распиливали, точили, привязывали к деревяшкам – не верёвками, потому что не было у них никаких верёвок, а рваными чулками матери или старшей сестры. За машинами по замёрзшему Шарташу ездили на коньках, прицепившись к борту крюком из толстой проволоки (на другом конце крюка делали специальный загиб, чтобы рука не сорвалась, а проволоку на улице подбирали). Катька, кстати, это первая попробовала. А когда в хоккей играли, то её, как самую маленькую, в ворота ставили. Защиты никакой не было, получала то ледышкой, то клюшкой... «Вспоминаю сейчас своё детство и не понимаю, честно говоря, как я вообще тогда выжила?» – говорит Екатерина Максимовна.

Характер у Катьки был с детства – не забалуешь! Голодать надоело, так она корыто железное взяла у мамы, большое такое, для стирки. Садилась туда и руками, как вёслами, гребла по Шарташу. С вечера примечала, кто где мерёжки ставил – вытаскивала их и забирала рыбу.

– За мной раз мужики бежали, так я в крапиве спряталась, чтобы рыбу-то не отдать. «У, – слышу, матери кричат. – Катьку твою поймаем, убьём! Скажи ей, Анна!»

Мама ей всё время говорила: «Ох, Катюшка, у тебя жизнь не кончится благополучно!»

Она росла среди мальчишек – братьев и друзей братьев. Папа разговаривал только матом, с матерью бывал груб, жесток даже. Катька однажды его спросила: «Ты почему к маме так относишься? Она ведь маленькая, а ты вон какой!» Отец ответил: «А у нас в Михайловском если мужик бабу не бьёт, так он не мужик». Уже потом, когда она домой приехала с третьего курса, ответила однажды отцу «любезностью на любезность». Дала отпор. Отец закричал: «Мать, мать, Катька-то наша что, с ума сошла?» Но притих на время.

Катя уже к первому классу была готовая спортсменка. Школьный физкультурник Александр Лаврентьевич заметил, как она на лыжах бегаёт, и тут же включил её в команду. Тогда Уральский Политехнический Институт шефствовал над 36-й школой, всё это с их ведома было. Школьная команда, потом институтская, после в городскую взяли.

Первым тренером Катерины стал знаменитый лыжный гонщик из Петербурга Анатолий Борин. Классе в шестом на каникулах поехала она в Архангельск, на первенство СССР среди школьников.

– У меня-то не лыжи были, а обрубьши какие-то. А для соревнования завкафедрой Вишневский позаботился, чтобы нам дали и лыжи, и ботинки настоящие. Правда, все на большой размер. У меня 34-й, а мне дали 39-й, студенческие. Крепление было по ботинку, мучение! Кстати, спортсмены тогда выступали на соревнованиях на трофейных лыжах, отбитых в войну у финских стрелков.

Бежали они тогда по Северной Двине смешанную эстафету. Мальчик, девочка, юноша, девушка. Холодно, ветер дует. Катька несётся вперёд в своих красных штанах, несётся – и ревёт, потому что ветер навстречу. Но когда круг повернул обратно и ветер стал в спину дуть, она прямо-таки полетела! Победили. Выиграла Катька шапку, меховую такую, с длинными ушами. Тогда они модные были. Только мама потом сменяла эту шапку в деревне на мясо. Есть-то надо было что-то.

А когда были сборы в гостинице, Катька впервые в жизни спала на настоящей кровати. С подушкой и одеялом. «Вот так мы жили, – говорит Екатерина Максимовна. – Одевались в рваньё. Ели непонятно что. А вот выжили. И что, дураками стали?»

Первая в слаломе

Детство Кате выпало не из лёгких, а юность началась вместе с войной. Многих ребят тут же забрали на фронт, некоторых из них Катька больше никогда не видела... Тогда ещё действовала Трудовая Армия, и отца туда отправили, а она осталась с мамой, она и двое младших – сестра и брат, близнецы. Надо как-то кормиться, а они были нищие в полном смысле этого слова. Голь перекатная. Ни коровы, ничего не было. Папе – только напиток. Сердобольные люди отдавали Вогулкиным картофельные очистки, мама их на мясорубке проворачивала и делала лепёшки. Екатерина Максимовна сейчас картошку видеть не может, очистков на всю жизнь наелась!

Она бросила школу, пошла работать. Уже не вспомнить сейчас, кто пристроил Катьку подавальщицей в кафе для артистов, под филармонией. Работала она бесплатно, то есть за еду. Уставали они там страшно, от духоты, от всего. Их начальство предупреждало: когда выйдете на улицу, сначала постоите у стенки – потому что от кислорода многие теряли сознание.

Но Кате в том кафе повезло, именно там её увидели члены сборной команды СССР, лыжные гонщики, чемпионы Союза. Они были эвакуированы из Москвы и Ленинграда, все с высшим образованием. Уговорили Катьку записаться в вечернюю школу. Дали советы, как идти дальше в спорте. Один из новых знакомых, москвич Александр Батенков, многое успел сде-

лать для спортивной истории Урала за время своей эвакуации. Стал чемпионом города, основателем организованного слалом на Урале и тренером молодых спортсменов, в том числе – Екатерины Вогулкиной.

Лыжи Катя не оставляла, и фамилия её уже, можно сказать, высвечивалась. Ребята столичные, с которыми она познакомилась, занимались слаломом, а в Свердловске никто не знал тогда, что это за слалом такой. Катя Вогулкина стала первопроходцем слалом на Урале.

– Я на них посмотрела и думаю: а ведь лучше с горы кататься, чем бегать! Так увлеклась, что за два года выполнила мастера спорта. Лыжки мне сделали, и я каталась с Оленьей горы, за улицей Зимней. Там тогда ничего не было, мы делали объезд у Патрушихи, финишировали и прямо к речке выезжали. Сейчас там дорогу проложили, всё испохабили. А тогда даже все-союзные соревнования несколько раз проводили у нас.

Катка неслась к успеху, как к победному финишу, – на скорости, без оглядки! Несколько раз она выступала в составе сборной команды подростков СССР, а в 1945 году её пригласили в сборную команду Свердловска, уже взрослую. Тогда устраивались соревнования между городами, Москва – Ленинград и так далее, вот и Свердловск тоже выступал командой. По программе должно быть двоеборье: гонка 5 км и две попытки слалом. В 1945 году Вогулкина стала второй, в 1946-м – тоже второй.

– Настоящим горнолыжникам я проигрывала, но в гонке делала их только так, а результаты суммировались. В 1947-м я победила в обеих дисциплинах и стала чемпионкой СССР по двоеборью. Здесь Екатерина так и осталась чемпионкой, пожизненно, потому что этот вид соревнований впоследствии отменили. Москва начинала проигрывать другим городам, столичным тренерам это не нравилось.

В 1949 году Вогулкина стала чемпионкой СССР по скоростному спуску. И тогда перед ней встал вопрос, что выбрать: горные лыжи или всё-таки беговые? Не разорваться же! Гонщики не отпускали её из сборной СССР, горнолыжники звали к себе. Год она моталась между разными дисциплинами, а потом перешла-таки на горные лыжи. И в 1949-м выиграла слалом-гигант и скоростной спуск в Уфе, обыграв ведущих спортсменов.

Отважная Катька летит к победному финишу. 1949 г.

Шли годы упорных тренировок. Десять лет Катя была бессменной участницей сборной СССР, причём шла в первой тройке. «Никого из наших в живых уже не осталось, – вздыхает Екатерина Максимовна. – Я одна за всех живу».

Она усердно готовилась к Олимпиаде 1954-го года в Италии, в Кортина д'Ампеццо. Два месяца оставалось до старта, на Катю надеялись, делали ставку тренеры. И вот именно тогда удача и везение, с которыми Вогулкина даже не шла, а играючи летела по жизни, её оставили. Было это так.

26 марта Катя участвовала в финале международных соревнований в Чехословакии, в Высоких Татрах. Накануне прошёл сильный дождь, в снегу повсюду зияли глубокие ямы. Никаких ратраков тогда не было, спортсмены сами топтали трассы... Вогулкиной перед стартом выдали новые лыжи, она не успела к ним привыкнуть. Когда покатила с горы, вдруг услышала сильный треск. Ну вот, расстроилась Катька, только надела новые лыжи – и на тебе. Но это не деревяшка трещала, а нога её! Кость. Катька вылетела на сильной скорости, снег после дождя схватил лыжу...

Заломалась – так это называется на сленге профессиональных лыжников. Заламывалась Вогулкина и раньше, конечно: то рука, то ключица, то сотрясение мозга – горнолыжникам так положено.

– У нас же не было тогда никакой защиты, даже шлемов! – рассказывает Екатерина Максимовна. – Крепления ремнями завязывались. Если бы автоматический замок был, открылся бы – и всё. А тут, представьте, десять метров ремня, наматываешь и думаешь только о том, чтобы нога и лыжа были единым целым.

Да, травмы бывали и раньше, но на сей раз всё обстояло куда как хуже. Перелом нижней трети голени, правая нога вывернута на сторону, смотреть страшно. Спустили лыжницу с горы на подъёмнике, переместили в Жилино, в частную клинику при чешском монастыре, положили в международную палату. В Союзе тогда ещё не было рентгена, телеаппаратов, как тогда говорили, а у чехов уже были. И Катьку это спасло.

Она ничего не понимала, думала – обычный перелом, делов-то. А врач, Примаров его фамилия была, посмотрев снимки, матом выругался: как я, говорит, эти кости собирать буду, мелкие такие? Примаров был чех, а почему матом пользовался, так это потому, что с нашими вместе воевал.

Катьку оставили в клинике на месяц одну, команда через пять дней заехала попрощаться. Каждый при этом думал, что теперь спорт для Вогулкиной закончился. Она 32 дня вылежала на спине, на вытяжке. Было три консилиума по ампутации правой голени, но Катька сказала: не дамся. А у неё тем временем уже ложный сустав начал формироваться, страшное дело! Перевезли её в Свердловск, начались мытарства по знакомым и незнакомым врачам, хождение по мукам на костылях. Консультации в Москве, Ленинграде, Киеве. По чистой случайности Катя познакомилась с хромой девчонкой, та искала самые разные способы, как спасти своё загубленное колено. Несколько месяцев та девушка ходила в библиотеку Белинского, разыскивала литературу, изучала статьи в прессе. Уже могла с докторами на одном языке разговаривать. И нашла всё-таки, какую надо делать операцию, а следом за ней решила и Катька.

По-научному то, что было у неё, называлось консолидацией костной мозоли. Нарастивание кости. В месте перелома образовался ложный сустав, он был, как твёрдая корка, мешающая росту. Чтобы разбить её, врач брал сверло и сверлил по-живому, потому что кость всё равно не замораживается, а только мышцы. Ни о каких общих наркозах и речи не шло! Вкололи стакан новокаина – и вперёд!

Вогулкиной еле-еле разрешили эту операцию. Подписку взяли, что предупреждена о последствиях. У операционной несколько часов сидели её мама и будущий муж. Катя кричала на врача: «Ты тупым сверлишь, я же чувствую, что тупым!» Насверлили штук десять дыр, Катя потеряла сознание. А потом ей говорят: надо повторно делать. И сделали спустя всего два дня всё то же самое: новокаин, сверло, бледная мама под дверью оперблока...

Но лечение помогло. Хромота, конечно, осталась, о соревнованиях пришлось забыть, но хотя бы ногу сохранили. Через некоторое время после операции Вогулкину по личному распоряжению маршала Жукова (она была армейской, служила в команде ЦСКА) отправили военным самолётом в Сочи, в санаторий имени Ворошилова для бывшего комсостава. Спустя месяц она вернулась оттуда с тросточкой.

Жизнь как спорт

В горнолыжном спорте Екатерине Вогулкиной больше всего нравились «скорости, большие скорости, когда всё время разные высоты, трассы, к которым надо приспособливаться! И совершенствование техники – без этого никуда... Мы в сборной СССР прошли через всё...» Но эта глава жизни закончилась.

Что делают спортсмены, когда выходят в тираж? Чаще всего становятся тренерами. И наконец-то заводят семью.

Валерий Иванович Уженцев, муж Екатерины Максимовны, был тренером, да не простым, а заслуженным тренером РСФСР и СССР по лыжному спорту. Именно он воспитал в числе прочих трёхкратную олимпийскую чемпионку Клавдию Боярских. Валерий Иванович был ещё и профессором, заведовал кафедрой в институте физкультуры. Писал статьи, а в своей книге «Окрылённые лыжами. Лыжный спорт в Свердловской области вчера и сегодня» (Екатеринбург, издательский дом «Парус», 2006) подробно рассказал о своей выдающейся спортсме-

менке-жене, ставшей позднее не менее выдающимся тренером. Екатерина Максимовна разрешила мне полистать эту книгу. Вспоминала, как муж её заставлял: давай, тоже пиши! Но она больше читать любила... Вспоминала, как они с ним вечно спорили, он ведь гонщик был, а она горнолыжница. Два разных мира в одной семье!

Валерия Ивановича уже нет в живых. Дом на Уктусе, на улице Агрономической, 22а, где они прожили с Екатериной Максимовной всю жизнь, украшен теперь мемориальной доской в его честь. Нет, увы, в живых и сына Сергея, родившегося в 1956 году. Но есть внуки, есть память, есть друзья. И, конечно, ученики, воспитанники, чемпионы – главная гордость Екатерины Максимовны!

И ещё есть, по-прежнему, лыжи, хоть слалом уже и не покрутишь...

В 1948 году Е. Вогулкина поступила в Ленинградский ордена Ленина институт физической культуры имени П.Ф.Лесгафта, который успешно окончила в 1952-м.

– Это меня спасло, – говорит Екатерина Максимовна. – Я ведь понимала, что как спортсменка закончилась! А жизнь продолжалась. Заведующим кафедрой физкультуры в Свердловском горном институте был тогда мой однокашник Женька Поликарпов. А мне из ЦСКА, при Жукове ещё, выделили комнату в Университетском переулке, напротив Горного института, на первом этаже. И вот Женька приходит ко мне, а я в окне торчу. Он здоровый был – боксёр, схватил меня и говорит: пошли работать! Я говорю: Жень, так я не знаю как! Я десять лет была в сборной СССР, за меня тренеры все решали. Не умею со студентами!». А он: «Научись!»

И она действительно научилась. 57 лет Екатерина Максимовна проработала в Горном институте. Губернатора Эдуарда Росселя среди прочих воспитывала, хвалит его: спортивный был, хорошо катался и относился уважительно.

Начинала Вогулкина рядовым преподавателем, потом последовательно прошла в горку институтскую должностную «трассу»: старший преподаватель, доцент, заведующая кафедрой. Одновременно с этим Екатерина Максимовна была ещё и тренером команды Свердловской области по горным лыжам, и старшим тренером институтской мужской и женской команды, воспитывала как гонщиков, так и горнолыжников. «С 1957 года и по сегодня я горняк. – сказала в одном из интервью Вогулкина. – И никогда наша команда не опускалась ниже первого или второго места!»

Тренерская работа требует от бывшего спортсмена полного переустройства как привычек, так и психики. Тренер, как считает Вогулкина, должен обожать спортсмена, но при этом оставаться объективным, справедливым. Только тогда результатом станет общий успех и тренера, и воспитанника! Едва придя в институт, Екатерина Максимовна принялась за дело со всем своим пылом и энтузиазмом – иначе она попросту не умеет, от неё по сей день шибает энергией, как электричеством. Начала искать талантливых студентов и превращать их в чемпионов.

Горный институт, как известно, – старейший вуз Урала, но за всю его историю там не учился ни один мастер спорта. Непорядок! И вот уже ситуация исправлена стараниями нового преподавателя: студентки горно-механического факультета Лидия Беломоина (в 1962 г.) и Ирина Мулыгина (в 1963 г.) выполнили нормативы мастера по лыжным гонкам. Позднее в институт поступила мастер спорта Галина Малозёмова, она, кстати, стала потом близкой подругой Екатерины Максимовны. Теперь на факультеты Горного уже целенаправленно стремились спортсмены-лыжники, выпускники уральских школ. Да и не только уральских!

Валерий Уженцев писал в своей книге: «Так формировалась команда горняков, которая стала принимать участие в городских и областных соревнованиях. 1962 год был отмечен дебютом этой команды в первенстве Министерства высшего и среднего специального образования и параллельно – в соревнованиях Центрального Совета ДСО „Буревестник“. Команда Уральского горного института заняла второе общекомандное место. А студентка института Галина

Малозёмова была приглашена в студенческую сборную СССР и приняла участие во Всемирной студенческой универсиаде в Швейцарии».

Через два года команда горняков под руководством Е. Вогулкиной участвовала в министерских соревнованиях в грузинском Бакуриани и взяла главный общекомандный приз за первое место (два первых места – у Галины Малозёмовой). Между прочим, Екатерина Максимовна уже бывала в Бакуриани на сборах, ещё до того, как травма разделила её жизнь на «до» и «после».

– Это была сборная команда, мы тогда готовились к Олимпийским играм, и трамплинщики, и двоеборщники, и мы, горнолыжники. Нам освободили большой двухэтажный корпус санатория, с комфортом поселили всю команду. Условия прекрасные, вот только обещанных фруктов почему-то нет. Через несколько дней к нам в Бакуриани приехал Берия: узнать, как дела, ну мы и решили задать ему вопрос: «Как же так, Лаврентий Павлович, это ведь Грузия, а у нас фруктов нет...». И уже на другой день нам доставили вагон фруктов! Мандарины там были, а мы их в глаза-то раньше не видали. Я поспорила с Анной Ромашовой, царствие ей небесное, кто из нас больше мандаринов съест. Дуры были. Анна больше съела, уж я как мучилась, а ей ещё хуже было.

Приехав с командой в Бакуриани в качестве тренера, Вогулкина уже, конечно, не совершала таких глупостей, но временами в ней по-прежнему оживала неунывающая проказливая девчонка, которая, кстати, никуда не делась и по сей день, даром что Екатерине Вогулкиной исполнилось 92 года!

Она дала путевку в большой спорт многим выдающимся горнолыжникам: Г. Малозёмовой, М. Клейменовой, Т. Першиной, В. Сторожеву и другим. Получила орден «Знак Почёта» и звание заслуженного тренера России. И самое удивительное, что Екатерина Максимовна продолжает работать и теперь – в детской горнолыжной секции на Уктусе бесплатно тренирует около 70 детей в возрасте от трёх лет.

«Хозяйка Уктусских гор», как её зовут журналисты, пунктуальна и педантична. И требует того же от других. Когда мы договаривались о встрече с Екатериной Максимовной, она сразу же сказала, что ограничена во времени – у неё тренировка. Дети ждут!

– Это, конечно, громко сказано, что я продолжаю тренировать. Получилось всё по чистой случайности. Когда я вышла на пенсию, то сразу поняла: если не буду никуда ходить, то вообще не встану. И вот как-то на улице увидела, что ребяташки катаются на роликовых коньках. Учатся кататься. Я стала им помогать, подсказывать, поправлять. Родители малышей увидели это, ну и попросили заниматься с детьми.

Екатерина Максимовна поставила на лыжи не одну сотню детей (и их родителей!), причём занималась она не с самым «добротным материалом», а брала всех поголовно: из неблагополучных семей, больных, проблемных и так далее. «Мне важно, чтобы они стали людьми!» – говорит Вогулкина.

Екатерина Максимовна поставит на лыжи любого... 2015 г.

Маленькие ученики Екатерины Максимовны пока не осознают того, что тренирует их живая легенда. За годы в спорте друзьями Вогулкиной стали и выдающиеся чемпионы и знаменитые космонавты. Когда в Челябинской области открывали лыжную базу, то пригласили приехать и космонавта Сергея Крикалёва, и чемпионку-горнолыжницу. «Поместили нас вместе с космонавтами в роскошный особняк. Потом обслуга нас спрашивает: «А вы кто, тоже космонавты?» Я отвечаю: «Мы дублёры!».

Чувство юмора у Вогулкиной отменное, но это у людей в возрасте как раз-таки не редкость. Удивительно другое – внимание к людям, деятельная наблюдательность по отношению к мелочам жизни, желание вникнуть во все детали. Когда мы пили чай в гостях у Екатерины Максимовны, Тане попало за тарелки: не те подала на стол: «Это не сервировка, Таня, а безобразия!» Я тоже удостоилась замечания, когда попыталась закрыться в ванной изнутри: «Никто к тебе, Аня, не ворвётся!». А напоследок Таня получила ещё один выстрел, когда натягивала шапку: «Надень как следует и только потом можешь идти!»

С маленькими учениками Вогулкина сразу и строга, и ласкова. Обучает их кататься по своей собственной методике, разработанной три года назад. Другие родители, понаблюдав за тренировками первых воспитанников Екатерины Максимовны, стали спрашивать: а можно мы с вами?

– Я говорю, ну, давайте попробуем. А хорошая молва, как и плохая, быстро всех облетает. Смотрю, у меня уже много учеников набралось. И мне интересно стало. Ребятишки сейчас больные все. Плохо видят, плохо говорят... Спорт обязательно поможет, выправит. Сейчас от учеников отбоя нет, три раза в неделю родители привозят меня на гору и потом возвращают, откуда взяли. Остальное – бесплатно.

Некоторым, впрочем, трудно поверить, что самый хороший тренер по горным лыжам в Екатеринбурге – это девяностолетняя Екатерина Максимовна. Она и сама смеётся, вспоми-

ная недавний случай: «Подходит на горе девушка, говорит, мне тут тренера посоветовали – Вогулкину». Я говорю: «Ну, я Вогулкина». Та посмотрела на меня с ужасом и дальше пошла. Ходила, ходила, искала, смотрю – снова возвращается. «Так это правда, что ли, вы – самый хороший тренер?!» Ожидала, видимо, увидеть не знаю кого. Ну да я не сержусь, и мы такие же были. У всех молодых есть такой период, когда старики вызывают подобные чувства».

Екатерина Максимовна не любит Интернет, но внимательно следит за всеми новостями по телевизору, и за политическими, и, конечно, за спортивными.

– В спорте сейчас много разговоров про допинги. Я к этому отношусь резко отрицательно. Вот сейчас прочитала про какие-то конфеты, начинённые допингом. Почему не запретить их? Это же государственная преступность. Спортсмены моего времени даже не знали, что такое бывает! Ещё меня возмущает, что наши не могут наладить выпуск спортивного инвентаря – закупается всё за границей. Для космической отрасли выпускают, а для лыжников не могут?..»

Она по-прежнему страстная болельщица, смотрит и фигурное катание, и биатлон, и, естественно, лыжи. Уважает Елену Вяльбе и считает, что «биатлон у нас заваливают страшно». Работой некоторых тренеров Екатерина Максимовна недовольна, считает, что они плохо понимают психологию спортсменов.

– Вот лыжница сфинишировала неудачно, так её подзывают и начинают перед всем народом распекать: что ты так плохо прошла! Разве можно так? Это же совсем молодая девчонка, она теперь будет думать каждый раз перед стартом: а вдруг я опять плохо пройду? Неужели тренер не понимает?

Разгорячившись, Вогулкина стучит по столу так, что мой диктофон начинает подпрыгивать. Откуда в ней столько энергии?

– Не знаю, – смеётся Екатерина Максимовна, и я снова вижу вместо неё бесстрашную Катюку... – Откуда энергия – не знаю. Все мы разные, кто где спал, там и выспался.

Всегда на связи 2019 г.

О чём она жалеет сейчас – это что мало внимания уделяла своей маме и сыну. Считает, что надо было всё успевать, а у неё главным в жизни был всё-таки спорт...

Спрашивает меня: «Ты на лыжах-то ходишь? Приезжай на Уктус – поставлю!»

На 90-летнем юбилее Екатерины Максимовны Вогулкиной присутствовало 120 человек – друзья, коллеги, а большей частью – ученики, старые и новые. Со многими своими ученицами 94-летняя Вогулкина близко дружит. Вечерами играют в карты на дурачка: кто останется в дурачках, тот коньяк пьёт. Отличное правило!

Лет двадцать назад во время занятий на Уктусе кто-то спросил Екатерину Максимовну – сможет ли она скатиться с горы сейчас? «Поставите на лыжи – поеду», – заявила она, а сама, конечно, испугалась. Но куда деваться – сказала, надо выполнять!

...Гора молчала. Люди застыли. Все ждали, когда с вершины спустится маленькая фигурка 75-летней горнолыжницы. Некоторые, особо чувствительные, даже зажмурились, как в кино перед страшным моментом, но потом услышали вой восторга и аплодисменты.

Катка спускалась с горы так, будто каждый день до этого момента только и делала, что тренировалась. А потом лихо остановилась и воткнула палки в снег – видали?

Дядя Саша из Букашкина Александр Ивахненко

Давным-давно, в прошлом веке, да не на излёте его, а в самой что ни на есть серёдке, жил да был в деревне Букашкино мальчик Саша. И была у него заветная мечта – стать художником...

Маленькая родина

Детские мечты – это довольно-таки опасная штука. Сбываются редко, а не исполнившись, мучают человека до поздних лет жизни... Зачем они нам даются, что с ними делать? Упорствовать в желании догнать свою фантазию, махнуть за журавлём в небо – или всё-таки вцепиться в синицу?

Александр Степанович Ивахненко – металлург из того самого Полевского, где маленький Паша Бажов слушал, затаив дыхание, рассказы дедушки Слышко на Думной горе. Ивахненко был близким другом Таниных родителей, поэтому она зовёт его просто дядя Саша.

Детство Саши (точнее, Шуры, так звала его мама) ни на сказы, ни на сказки похожим не было. Разве что название деревни, в которой он появился на свет, звучало, как в детской книжке, – Букашкино. Дядя Саша произносит этот ласковый топоним с нежностью. А ведь Букашкино заложило основу его судьбы, и никто не теперь не скажет, хорошо это или плохо.

Но давайте обо всём по порядку.

Дядя Саша называет себя человеком из прошлого века.

– Вот я вспоминаю своё детство сейчас, и всё теперь кажется странным в сравнении! Едем мы с Таней в машине, она достаёт смартфон и командует: улица Мира, 4.

– Ты с кем разговариваешь?

– Это я навигатору, чтобы показал, как нам подъехать.

– Боже мой, – думаю! – А как мы жили?..

Итак, Шура Ивахненко родился 1 января 1936 года в деревне Букашкино Кемеровской области. В двадцати километрах – Промышленная, районный центр, казавшийся мальчику огромным городом. До Кемерова 250 километров, но существует ли оно на самом деле, это Кемерово? Из Букашкина не видать...

Деревушка в одну улицу, несколько десятков домов, которые и домами-то назвать трудно. Крохотные хибарки, бревенчатые избушки, может, только два-три дома найдется приличных. Именно про такие сибирские деревни сказала однажды проезжая украинка, с сочувствием глядя в окно поезда: «Домички малёньки, воротки малёньки таки!»

Букашкино было основано ходоками после Столыпинских реформ. Тогда по всей России ходили искатели свободных земель с Украины. Ходили-бродили, находили свободные земли, рыли земляночки, потом собирали свою семью и возвращались, чтобы остаться навсегда.

Шурины дед и бабка по отцовской линии тоже были с Украины, из Харьковской губернии. Половина всех букашкинцев носили малороссийские фамилии – Костенко, Бугай и так далее. Но из центральной России тоже в Сибирь приходили, может, кто-то из них и дал деревне это шутивно-ласковое имя?

Родители Шуриной мамы были родом из Мелекесса, Самарской губернии (теперь Димитровград). Уже взрослому сыну мама говорила не раз: «Шура, может, ты как-нибудь попадёшь в этот Мелекесс? Там, должно быть, родственники какие-то у нас остались». Мама родилась уже в Букашкине, куда её родители пришли из Мелекесса, как отцовы – с Украины. Мама Шурина была совсем неграмотная, взрослой сердилась на своего отца, что не пускал их

в школу. Ребят отправлял, чтоб умели расписываться и читать, а девочкам, говорил, нечего там делать. Работать надо, работать на земле.

И вот они работали, работали, работали...

А отец Шуры, он ходил в школу, грамотный был, имел три класса образования. Потом всё учился – на тракториста, на комбайнёра, на водителя. Когда началась война, отец прямо на своей машине-полуторке уехал воевать из Букашкина – и доехал на ней почти до самого Берлина, прошел всю войну! Уже в самом конце фашистский снаряд попал в машину так, что отца из неё выбросило, но даже осколочком не зацепило. В семье был ещё один сын, до Шуры, но он умер, когда ему было четыре года. В 1939 году родилась его младшая сестра, а после войны – братик.

– Родители мои всё время работали, с самого раннего детства, – рассказывает дядя Саша. – И тем не менее, их раскулачили. Работников они не держали, ведь работникам надо платить. Пять человек в семье детей было. И вот их раскулачили, выгнали всех из дома, а в дом поселили учительницу, которая потом взяла их к себе на квартиру. А почему раскулачили? Потому что дед купил молотилку и сенокосилку, значит богатый... Деда Андрея и бабу Матрёну, по отцовской линии, вот их не тронули. Девять детей в той семье было. Мама родила меня в 1936 году, а её свекровь в 1937 году родила мою тётку Анну, она и теперь жива. Отец, он с 1912 года, был самый старший.

В школу Шуру отдали учиться по возрасту, но что это была за школа, надо сказать отдельно. Под начальное образование отдали один из букашкинских домов, довольно-таки приличный, с высоким крыльцом. В одной комнате стояла печка, и её даже топили, хотя особенно нечем было. Рядом комнатка, где жила учительница Любовь Михайловна Мещан. Любовь Михайловна была и директор, и завуч, и вообще всё в этой школе.

Четыре класса занимались науками в одной комнате. На первом ряду сидели первоклассники, на втором – второй класс и так далее. Детей в Букашкине было не так много, во всех четырёх классах училось пятнадцать, от силы двадцать человек. Самый малочисленный класс был четвёртый, мало кто доходил до такой вершины, обычно довольствовались одним-двумя. Научались расписываться, по слогам читать – и хорош. Нечего штаны просиживать, надо работать. Дом, хозяйство, корова, птица...

Не было у букашкинских школьников ни учебников, ни тетрадей, ни чернил. Правда, Шура оказался в привилегированном положении, потому что отец его до войны был водителем единственной машины в колхозе, а водители тогда были как сейчас лётчики. Носили униформу, краги... Отец постоянно учился новым специальностям, приносил домой книги, а потом отдавал их Шуру. И вот теперь маленький ученик брал эти книги с собой в школу. Выдирали оттуда листочки и писал на них. Другие ребята просили: «Дай нам тоже!» Делился, конечно.

Чернила делали сами: брали сажу из трубы и разводили водичкой, потом писали обычным гусиным пером. А учительница, чтобы поставить отметку, обмакивала перо в свекольный сок. У кого из детей был огрызок карандашика, те считались богачами. А Шура однажды заполучил металлическое перо, называлось «рондо», так это даже сравнить не с чем.

Во время войны эвакуировали в Сибирь и ленинградцев, и поволжских немцев. В Букашкине были и те, и другие. В одном доме разместились переселённые из Ленинграда – как трудно они жили! Даже по сравнению с букашкинцами. У Ивахненко была скотина, мать всегда держала корову, поросёнка. Сажали картошку, работали в колхозе, имели трудодни. Правда, хлеба на трудодни не давали ни грамма, всё было для фронта и победы. Давали по чуть-чуть проса. Корова была главная кормилица, был телёнок, были овцы, а значит, мясо.

И вот однажды Пашка, двоюродный брат Шуры, показал ему настоящее металлическое «рондо» – сказал, что это от переселённых из Ленинграда. Что у них есть ещё такие, и они

могут обменять их на что-нибудь. Дома у Шуры имелась кладовочка, где хранилось мясо, вот брат и присоветовал: возьми кусочек и иди меняться!

Мамы дома не было, она с утра в колхозе, а Шура оставался с сестрёнкой, та была на его попечении. Мальчику тогда было восемь лет, а ей пять. В колхозе тоже была военная дисциплина, забирали на работы ещё по тёмному утру. То на свинарник, то на хутор, то пахать, то кормить. Мама пахала на своей корове, боронила...

И вот Шура пошёл в кладовку, выбрал кусочек мяса получше-побольше, спрятал его под пальтишко и отправился к ленинградцам. Переселенцы жили далеко, в конце деревни. Пришёл, стучит в двери. Открывает целая толпа, столько их там было. Шура говорит: «Мне надо пёрышко, писать чтобы». И мясо показывает. Ленинградцы принесли пёрышко, он его потом нитками примотал к палочке и писал им в школе на уроках. А заметила ли мама пропажу мяса, он уже не помнит...

Летом букашкинцы «выливали» сусликов – всё с той же целью, в пищу. Сусликов водилось здесь множество, деревенские заливали норы водой, юркие зверьки выскакивали, тут, на выходе, их и ловили. Мама Шурина их сама не ела, не могла, но детям варила и жарила. А на окраине деревни жил охотник-татарин по фамилии Мажин, он мясо сусликов вялил, а шкурки сдавал на шубы. Обдерёт, растянет на доске, дня за три шкурка высохнет – можно сдавать. Обьездчик специальный приезжал за шкурками, и мальчишки из тех, кто промышлял этим, обычно меняли «товар» на что-то дефицитное. Например, на удочку. Хотя зачем в Букашкине удочка, если рыбачить там негде – ни пруда, ни речки?..

У Мажина был сын Костя, с Шурой одних примерно лет. Шура приходил к нему, смотрел, как суслики висят, вялятся. Пахло нехорошо, правда, но вот Костя снимает суслика, угощает – вкусно!

По весне ходили в поля колоски собирать и картошку мерзлую, когда снег растает немножко. Грибов не было. Ближайший бор от Букашкина – это в Ваганове, в двадцати километрах. А всюду бездорожье... Впрочем, мальчишки есть мальчишки – ходили до Ваганова пешком. Если дождливое лето, шагали по обочине, а в сухую погоду – по траве босиком. Обуви у букашкинских детей никакой не было.

Девушка на качелях

Шура начал рисовать ещё когда учился в букашкинской школе. Был там у них какой-то предмет вроде изо. Отец привёз ему из Германии альбом и карандаши. Нарисовал однажды танк, хотя никогда в жизни его не видел. Зато видел фильм про войну.

Раз в квартал или даже пореже из Промышленной в Букашкино приезжал от имени и по поручению культпросвета киномеханик Бредихин (странно устроена человеческая память: семьдесят лет прошло с тех сеансов, а фамилию киномеханика дядя Саша помнит по сей день). Прибытие Бредихина в Букашкино каждый раз становилось грандиозным событием, праздником! Мало того, что у высокого гостя была машина, главное, он привозил с собой киноаппарат и таинственные круглые жестяные коробки. Внутри у них бобины с киноплёнкой – это и есть фильмы. Всё в той же школе натягивалась на стене простыня, Бредихин не спеша занимал место за спиной у зрителей – и показывал кино. Без звука, разумеется. Из числа зрителей выбирались два-три парнишки, чтобы крутить ручку кинопроектора – это была огромная честь. Мальчишки постоянно менялись, чтобы каждый мог ощутить причастность чуду.

Вот в одном из таких чудесных беззвучных фильмов на простыне Шура и увидел танк. И этот киношный танк объединился у него со знакомым и вполне реальным гусеничным трактором, единственным на весь букашкинский колхоз. Шура рисовал танк на уроке, с пуш-

кой, с гусеницами, а на боку у него красные звёздочки. Рисунок произвел необыкновенный эффект, – все хвалили, восхищались: как красиво!

Шура тогда подумал: а ведь я, наверное, ещё лучше смогу...

Отец привёз ему с фронта ещё и маленький самолётик – алюминиевый, немецкий. Так искусно был сделан! Шура охотно его срисовывал, переносил на бумагу свою привязанность к самолётику. Вот так он и втянулся в это дело – рисование. Нигде этому не учился, никаких художников не знал, картин не видел...

Когда мальчик окончил три класса, отец как раз задумал перебраться в Промышленную, там с работой было получше, да и Шуру следовало дальше учить. Хотя паспортов у букашкинцев не было, из колхоза никого не выпускали, но отец как-то вырвался. В Промышленной жил его дядя по матери, Костенко, вот у них и квартировали. В кладовочке, на нарах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.